

Анатол Вульф

Американская палитра

Анатол Вульф
Американская палитра

«PUBLISH-SELL-BOOK LLC»

2016

Вульф А.

Американская палитра / А. Вульф — «PUBLISH-SELL-BOOK LLC», 2016

В этой книге читатель снова встречается с героем повести «Штрихи на граните» художником Максимом, чей путь лежит через Австрию и Италию в Вашингтон. Оказавшись за пределами СССР, герой впервые в жизни ощущает себя свободным человеком планеты, а не рабом советского режима. Он встречается с новыми людьми и с новыми обстоятельствами, которые заставляют его посмотреть на мир другими глазами. В Америке Максим сталкивается с проблемами вновь прибывшего иммигранта, старается адаптироваться, найти своё место в новой стране.

© Вульф А., 2016

© PUBLISH-SELL-BOOK LLC, 2016

Содержание

Часть первая. По ту сторону	5
Глава I	5
Глава II	7
Глава III	12
Глава IV	15
Глава V	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Анатол Вульф

Американская палитра

Часть первая. По ту сторону

Глава I

Питер провожал Максима августовским утренним холодком. В Пулково, зайдя уже за кордоны таможенников, он смотрел через стеклянную стену на провожавших его родителей, махал им рукой, пытаясь создать ощущение обычного прощания и при этом думал, что не имеет никакого понятия о том, когда снова сможет увидеться с ними. Мама, конечно, тихонько плакала, а отец крепился, старался не подавать виду, что тоже переживает.

Максим подумал – какой жалкий у них вид; мама в стареньком зелёном пальто, отец в изрядно поношенном плаще, лица у них какие-то усталые, бледные. И так вдруг жалко ему стало оставлять их одних в этом промозглом, неуютном городе. В душе Максим поклялся себе, что сделает всё возможное чтобы поскорее их вытащить отсюда и, помахав родителям ещё раз, пошёл в зал ожидания.

Самолет оказался потрепанным, прокопченным снаружи и изнутри Ту-154.

– Последние метры советской земли! – воскликнул, поднимающийся за Максимом по трапу, очевидно, такой же эмигрант. Максиму понравилась эта фраза и он прибавил шагу, пытаясь пройти эти метры как можно скорее, но, в ту же минуту сообразил, что старенький «Ту» тоже является частью советской земли, даже если он находится в воздухе. «Так что, по-настоящему свободно вздохнуть можно будет только в Вене», – подумал Максим.

Стюардессы, на удивление, оказались очень вежливыми и предупредительными, вероятно потому, что работа на иностранных рейсах была бластная, и они здорово дорожили своим местом. Когда зажглась лампочка, разрешающая курение, пассажиры зашуршали пачками сигарет и самолёт быстро наполнился табачным дымом. Максим тоже закурил свои болгарские, подходящие к случаю «Ту-134». Стюардесса провезла по проходу бесплоштинные товары: сигареты, виски, водку, коньяк. Но Максиму, с его поменянными в дорогу \$125 долларами (большую сумму советское государство эмигрантам не меняло), всё это было не по карману.

Максим едва выкурил пару сигарет, как самолет уже стал снижаться, он даже удивился про себя – лететь-то всего ничего, и ты уже в другом мире!

Самолёт, вздрагивая, прорезался сквозь молочную белизну облаков и вынырнул на залитый солнцем простор западной цивилизации. Оранжевые черепичные крыши пестрели по густо-зелёным холмам, разрезанным синеватыми змеями автобанов и украшенными равномерно выскакивающими из пышных клубов зелени шпилями кирх. Максиму показалось, что он бредит, или всё это видит только на экране, в кино. Вот сейчас кино кончится, и все эти картинки исчезнут. Но, картинки не исчезали, а, наоборот, приближались всё ближе и ближе, переходя в крупный план. Самолёт покотил по посадочной полосе, и Максим почувствовал, что он каким-то невероятным образом сам входит в экран и сливается с этим фильмом.

Самолет вырулил и встал на отведенное ему место, вскоре подогнали трап и все пассажиры, спустившись на землю, сели в подошедший автобус и поехали к терминалу. Едва автоматические двери автобуса успели открыться, как мужчина средних лет, тут же оказавшийся перед ними, спросил по-русски: «Иммигранты есть?».

Максим и еще несколько человек ответили: «Да, есть!»

– Кто едет в Израиль? – спросил встречающий их мужчина.

Одна семья вышла вперед.

– Встаньте справа, остальные слева – сказал он.

Максим встал слева и оказался возле здорового солдата в берете, с автоматом на перевес и рацией на боку. Семью, что ехала в Израиль, увели почти сразу, Максиму и двум другим одиночкам, что стояли слева, пришлось немного подождать. Затем появился опять тот же встречающий их мужчина и представился как Эдик, представитель ХИАСа. Он собрал визы и группой провел всех через паспортный контроль. В зале ожидания у Максима опять возникло ощущение, что он попал на экран какого-то фильма, причем цветного, а до этого он как будто пребывал только в чёрно-белом кино. Ресторанчики, неоновые рекламы, витрины магазинов и бесконечное изобилие товаров на их полках заиграли сумасшедшим калейдоскопом перед его глазами, и Максиму показалось, что у него кружится голова. Он подошел к стойке бара и спросил по-английски стакан кока-колы. Газировка с кофеином немного взбудорила его, и Максим был готов к новым впечатлениям. Долго ждать не пришлось, очень скоро к нему подошла женщина средних лет и представилась: «Хелен, из ХИАСа». Она говорила по-русски как на родном языке, а когда сели в ее микроавтобус, позвонила по рации в ХИАС и затараторила что-то на иврите, затем, так же плавно перешла на немецкий, явно произведя тем самым большое впечатление на своих пассажиров.

Первым завезли в гостиницу на окраине города долговязого парня, потом молодую женщину, а затем настала и очередь Максима. Его определили в пансион где-то в городе, Максим не мог вполне понять где, но ему показалось, что не так далеко от центра. Это был симпатичный домик в три этажа с небольшим двориком. В комнате оказался ещё один мужчина из Риги, его звали Аркадий. Вскоре выяснилось, что у Аркадия в Вене жили родители, которые иммигрировали на несколько лет раньше, но по каким-то не совсем понятным Максиму соображениям, Аркадий предпочел остановиться в пансионе и собирался ехать в Штаты к двоюродному брату. В пансионе подавали скромный завтрак, а об обеде и ужине надо было беспокоиться самим. Аркадий сразу рассказал Максиму, где можно купить недорогие сосиски, чтобы дополнить скудный завтрак, состоящий в основном из кофе и булочек с маслом. А также подсказал, где можно недорого поесть. Максим хотел, как можно скорее, позвонить родителям в Питер и спросил Аркадия, не знает ли тот где это лучше сделать. Тот посоветовал пойти в какой-нибудь бар. Долго бар искать не пришлось, и Максим обратился к бармену за стойкой:

– Can I call USSR please?¹ – спросил он.

– Not sure², – ответил бармен, его лицо выражало явную озадаченность.

– Give me your number, and I'll try³, – сказал бармен.

Максим написал телефон родителей на салфетке и отдал её бармену, тот стал набирать телефон. Он всё набирал и набирал, потом долго качал головой, вздыхал, охал, кричал, но результат был всё тот же. В конце концов он сдался, и сказав: «I am sorry»⁴, – отдал Максиму салфетку с телефонным номером. Максим прошел немного дальше и зашёл в другой бар, но там повторилась та же история. Затем он наведалься ещё в один бар, но и там результат был тот же. Тогда он решил позвонить сестре в Штаты и дал её телефон очередному бармену. Его соединили через пару минут. В Вашингтоне уже был поздний вечер, к тому же Максим боялся потратиться, поэтому постарался сказать только самое главное; что долетел нормально, устроился, а также попросил сестру позвонить родителям в Питер.

¹ Могу я позвонить в СССР?

² Не уверен.

³ Дайте ваш номер, и я попробую.

⁴ Сожалею.

Глава II

На следующий день Максим проснулся очень рано, на душе было какое-то возбуждение, ожидание новых впечатлений и одновременно некое волнение перед новым, неизведанным миром. Он тихонько отодвинул тюлевую занавеску (Аркадий еще всю похрапывал) и выглянул в окно. Ему открылся вид на умытую ранним светом улочку с аккуратно покрашенными домами. Прямо напротив уютным светом зазывал редких, в такой час, прохожих уже открывшийся магазинчик. В витрине видны были развешенные внутри колбасы, разложенные в высоких застекленных прилавках сыры. Женщина в белом фартуке, вероятно хозяйка, обслуживала покупателя.

К Максиму опять вернулось чувство нереальности происходящего. Он ещё долго стоял возле окна впитывая в себя этот простой сюжет, и испытывая истинное удовольствие от постепенно доходящего до его сознания ощущения свободы, возможности увидеть мир, радости освобождения. Максим так долго карабкался на ненавистную ему стену, отделявшую его от остального мира, и вот, наконец, он достиг цели, преодолел преграду и спрыгнув на другую сторону, сбросил свои оковы и стал свободным.

Чувства переполняли его душу, Максим вспомнил про Катю, да он собственно, никогда и не забывал о ней, она всегда была с ним. Слезы навернулись у него на глаза, и то были не столько слёзы горести, сколько слёзы радости за себя и за Катю, которая теперь видела все вокруг его глазами.

В этот день у Максима было интервью в Сохнута. Молодая блондинка задавала ему вопросы по-русски, а записывала его ответы на иврите с невероятной, как показалось Максиму, скоростью.

– Почему вы не едете в Израиль? – был её первый вопрос.

Максим ответил, что едет к сестре в Америку.

– Кого из отказников знали в России? – Максим назвал несколько имен, и она поинтересовалась как поживают эти люди. Дальнейшие вопросы заставили Максима поразиться её осведомлённости, девица знала столько деталей их жизни, что ей легко могло бы позавидовать КГБ.

После Сохнута Максима направили в ХИАС. Там было много народу, и Максиму пришлось долго ждать пока его вызовут. В маленькой приемной сидели очень чернобровые и смуглые люди, которых Максим поначалу принял за азербайджанцев. В принципе он почти угадал, это оказались иранские евреи. Они сидели в полном молчании и мрачно поглядывали на Максима, вероятно пытаясь определить его происхождение. Максиму стало не по себе, и он пошел покурить на лестницу, откуда его тут же прогнал какой-то служащий, заорав на него по-немецки, что вызвало у Максима не вполне приятные ассоциации и он решил, что будет лучше вернуться к иранцам.

В конце концов, Максима вызвали на интервью и первым делом спросили, какие он знает еврейские праздники, вероятно, таким образом они пытались удостовериться, что он еврей. В душе Максим посмеялся, представив, как будут ломать себе голову многие выезжающие из Союза советские евреи, не имеющие ни малейшего понятия о своих праздниках. Даже если бы ХИАС стал спускать мужикам штаны, доказать их еврейство было бы чрезвычайно трудно.

Максим назвал все известные ему еврейские праздники, и, успешно пройдя интервью, был направлен в кассу для получения пособия. Это было приятной неожиданностью, так как Максим даже и не помышлял о каких-то пособиях, наивно полагая, что протянет до Америки на свои 125 долларов.

Он вернулся в пансион и застал там Аркадия.

– Слушай, Максим! – сказал Аркадий. – Не хочешь пойти со мной купить кассетник, мне родители деньги на него подарили?

– Хорошо, пойдем, посмотрим их радиотовары, – ответил Максим.

– Ну отлично, заодно и перекусим что-нибудь по дороге.

Вена успокаивала нервы. Приятно цокали копыта лошадей, везущих экскурсионные экипажи по булыжным мостовым. Возле кафешек люди сидели за столиками, расставленными прямо на улицах и неторопливо попивали свое кофе. Погода была что надо, не жарко и не холодно. На пути им попала пиццерия и они зашли туда поесть. Максим сразу вспомнил свой неудачный поход в пиццерию в Питере и подумал: «Ну, посмотрим, как с этим обстоит дело в Вене?»

В кафе было полно свободных столиков, и они с Аркадием сели за столик у открытого окна. К ним сразу подошла официантка и дала меню, в котором легко можно было потеряться. Непривыкшему к большому выбору Максиму трудно было решить какую именно пиццу заказать. Чем больше он пытался разобраться в меню, тем труднее ему было принять какое-то решение. Все казалось таким заманчивым, таким вкусным, одна пицца казалась лучше другой. Да и Аркадий, похоже, тоже пытался сделать свой выбор. В конце концов, порешили взять одну большую пиццу без особых выкрутасов, просто с солями, на двоих. Подкрепившись пиццей, они продолжили свой путь и вскоре подошли к магазину радио аппаратуры. Возле его витрины стояли две женщины и Максим с Аркадием ещё издали услышали, что те говорят по-русски.

– А где наш Фискалов-то? – спросила одна женщина, опасливо озираясь по сторонам. Другая женщина тоже посмотрела направо и налево.

– Вроде, не видно его, – сказала она.

– Да он уже давно сбежал, наверное, и попросил политического убежища! – неожиданно вступил в их разговор Аркадий.

Обе женщины обалдело переглянулись и уставились на него.

– Не разговаривай с ним, пошли отсюда! – воскликнула одна из них и потянула другую за руку. Они быстро пошли прочь, опасливо озираясь по сторонам.

– Ну, ты их здорово напугал, Аркаша! – сказал Максим.

– Так ведь точно, их Фискалов уже давно тютю. Что он, дурак что ли?

– А всё-таки чертовски хорошо ощущать полную независимость от таких вот Фискаловых из первого отдела! – заметил Максим.

– Да, что и говорить, свобода блин! – ответил Аркадий.

В магазине они долго разглядывали различные кассетники и бумбоксы, и никак не могли решить, что лучше купить. В конце концов Аркадий остановил свой выбор на вокмане Сони и, расплатившись и получив яркую гляцевую коробку, довольные, они вернулись в пансион.

На следующий день Аркадий поехал к родителям показывать свой вокман, а Максим сходил в пару музеев, истратив невероятное количество денег, как ему показалось; музеи в Вене оказались отнюдь не дешёвыми. Затем он побродил по старому городу, с удовольствием созерцая европейский антураж. Вена восхищала его, но одновременно он чувствовал некоторую отчужденность, ему было одиноко в этом великолепном, но совершенно незнакомом ему городе. В таком неторопливом ритме пролетели еще пару недель, и, наконец, настал момент отъезда в Италию. Аркадий тоже оказался в той же партии иммигрантов, вместе с Максимом.

Поезд отходил поздно вечером. Когда Максим с Аркадием приехали на вокзал, на перроне уже толпились русские иммигранты. Между ними прохаживался детина солдат с автоматом на боку. Максим никак не мог понять охраняет ли этот солдат иммигрантов, или охраняет австрийцев от непредсказуемых русских. В купе они, к счастью, оказались только вдвоем с Аркадием. Кожаные сидения можно было разложить и лечь на них как на кровать, но постель никто не давал. Максим даже немного понасталгырировал по проводнику с постелью за рубль,

не говоря уже о горячем чае в подстаканниках с кусковым сахаром. Они долго болтали с Аркадием и пытались временами что-то разглядеть за окном, затем, устав от разговоров и ночной тьмы, завалились спать, подложив под головы свои куртки.

Утром Максим проснулся от яркого солнечного света и ощущения, что вернулось лето. Он выглянул в окно и увидел воду. Поезд стоял на какой-то странной насыпи посреди огромного водного пространства, или, по крайней мере, так показалось Максиму. Вдали весёлыми красками радовал глаз до боли знакомый по картинкам городской пейзаж. К Максиму вернулось опять ощущение, что видит он все это не наяву, а на киноэкране. Но, так или иначе, было очевидно, что вдали виднелась Венеция. Максим разбудил Аркадия и тот, ещё не успев вполне проснуться воскликнул: «Ух ты! Вот это да! Неужели Венеция?»

– Она самая! – ответил Максим.

Поезд долго стоял на месте, видимо меняли локомотив. Максим вышел в тамбур и открыл дверь вагона. Жаркий летний воздух принял его в свои объятия. Максим начал спускаться по ступенькам вниз, но дорогу ему преградил CARABINIERI в тёмно-синей форме и замахал на него руками, что-то быстро говоря по-итальянски. По его тону и жестике Максиму понял, что выходить из вагона ему не положено. Вскоре поезд тронулся и поехал по просторам Италии. Окна были открыты и тёплый ветер раздувал по вагону запахи южных, неведомых растений и яств. Максим чувствовал прилив какой-то невероятной энергии, ему казалось, что если бы он сейчас выпрыгнул в открытое окно, то полетел бы как птица, постепенно набирая высоту и жадно вдыхая всей грудью этот опьяняющий воздух. Он уже почти реально чувствовал этот полет, эту свободу. В коридоре кто-то, вероятно испытывая такой же моральный подъём и желая ощутить себя совсем «по-западному», закурил сигару.

Едкий дым отнюдь не свежей сигары неожиданно прервал мечты Максима и переключил его внимание на более земные раздумья. «Да», – подумал Максим, – «почти каждый русский иммигрант привез с собой пару коробок кубинских сигар, завалившихся на полках советских табачных магазинов. Совершенно не популярные в России сигары пролежали на полках долгие годы, а теперь мы их возем контрабандой в Америку дабы удивить американцев пересушенным в пепел кубинским табачком».

Краем уха Максим услышал разговор о том, что вскоре поезд должен остановиться на маленькой станции откуда всех повезут автобусами в Рим. Поезд стоит только пять минут и надо будет успеть выгрузиться, утверждал рассказчик. Народ явно заволновался, спешно собирая свои пожитки. Никакого официального сообщения, однако, не последовало, поезд по-прежнему катил себе без остановок и с приличной скоростью. Максим с Аркадием тоже, на всякий случай подготовились к высадке, хотя они и не особо верили в бесконечные слухи, распространяемые иммигрантами. Привыкшие к бесполезности средств массовой информации советские граждане, всегда больше полагались на неформальные источники новостей.

Тем ни менее, иногда слухи всё же бывают верны и, в таком случае, кому охота оставаться в поезде и застрять где-нибудь на запасном пути. Как её ни ждали, но станция появилась неожиданно, и все ринулись к выходу перескакивая через чужие чемоданы; особо сильные и предприимчивые люди принялись выбрасывать свои вещи через открытые окна. В вагоне ехало несколько пожилых людей, а также пара семей с маленькими детьми. Их шансы выскочить из вагона вместе с другими, да ещё успеть прихватить все свои вещи были не велики. Максим с Аркадием решили помочь им вытащить багаж. Вскоре все сгрудились на платформе, Аркадий заглянул ещё раз в опустевший вагон и увидел в тамбуре три сиротливо стоящие чемодана.

– Смотри, Максим, какой-то потц забыл свои чемоданы! – воскликнул Аркадий.

– Чьи же это? – удивился Максим.

– Вот чёрт! Это же мои! – вдруг опомнился Аркадий.

Они быстро вытащили чемоданы на перрон и усевшись на них, дружно расхохотались. Хохотали и над собственной нерасторопностью и над ненужной паникой. Поезд как будто прирос к станции и никуда не трогался.

Как из-под земли появилась представительница ХИАСа – дородная дама по имени Элеонора. Она предложила всем последовать за ней к автобусам, а поезд так и остался стоять на месте.

Два комфортабельных кондиционированных автобуса ждали неподалеку. Многочисленные чемоданы погрузили на деревянную подводу, запряженную двумя мулами, и подвезли к автобусам. Элеонора сообщила, что до Рима надо ехать несколько часов и потребовала, чтобы главы семей сели в один из автобусов, где поедет она. Максим с Аркадием, как главы своих «семей», естественно сели в тот автобус.

С первых же минут путешествия Элеонора начала свой инструктаж и рот у неё не закрывался почти до самого прибытия в Рим. Она поведала, что жить всем придется в третьесортных пансионатах. «Затыкайте нос и уши», – посоветовала она, – «но не забывайте, что вы за это ничего не платите». Она ударилась в долгую тираду об иммиграции и назвала Америку клоакой. Немного обескураженные иммигранты приутихли, въезжая уже в сумерках в вечный город Рим. Громоздкие автобусы едва могли протиснуться в узких улочках у вокзала Термини, и малюсенькие автомобили, застрявшие позади автобусов, гудели свой ужасающий концерт пытаясь пробиться вперед любым путем. Автобус, где ехали Максим с Аркадием, остановился возле пансиона Маджера, на углу одноименной улицы.

Это вызвало ещё большую бурю негодования со стороны автомобилистов-оркестрантов и к их ультра-авангардной симфонии прибавился еще и устрашающе фальшивый вокал. Водитель автобуса решил тоже присоединить свой голос к общему концерту и высунувшись по пояс из окна заорал что-то явно из итальянского фольклора. Элеонора предложила всем быстро высаживаться и поскорее ретироваться в пансион. Высыпав на улицу, иммигранты начали вытаскивать из чрева автобуса свой багаж. Жутковатая какофония звуков заставляла их потопираться. Чемоданы полетели на тротуар и быстро аккумуляровались во внушительную груды. Автобус тут же отчалил, увлекая за собой неугомонный авто-оркестр, а иммигранты ринулись выуживать из общей кучи свои пожитки. Максим с Аркадием долго тасовали чемоданы пока не откопали свои собственные, а затем пошли в пансион разыскивать свою комнату.

Их номер оказался на третьем этаже; старенькие тёмно-синие, с золотым рисунком обои были кое-где надорваны, каменный потрескавшийся пол выполнял роль кондиционера, отдавая в комнату накопившуюся в нем ночную прохладу. В углу располагалась раковина, а у стены стояли две кровати. Огромное окно было закрыто обветшалыми деревянными ставнями. В общем, обстановку можно было смело назвать спартанской, но в этой убогости был, однако, некоторый шарм. Максим распахнул ставни и вдохнул запахи римского вечера. Внизу кипела жизнь, на другой стороне улицы, возле траттории, люди сидели за уличными столиками. Теплый электрический свет, скорее похожий на огни факелов, мягко разливался вокруг создавая ощущение театральных декораций. Максиму вспомнились фильмы Феллини, их неповторимая тональность и необыкновенный романтизм. Ему вдруг сильно захотелось выйти на улицу и почувствовать себя частью этого антуража, впитать в себя очарование этого древнего города.

– Слушай, – обратился Максим к Аркадию, – я так есть хочу, просто живот к спине прирос, пойдём поищем, где можно чего-нибудь поесть.

– Пойдём, я тоже жутко проголодался.

Они поставили чемоданы и спустились вниз. Не пройдя и трех шагов, они увидели выставленные в витрине аппетитные треугольнички пиццы с тонкой, как лист картона, лепешкой. В окошке немедленно появилась, увенчанная белым колпаком, и выражающая готовность, физиономия хозяина. Максим ткнул пальцем в понравившиеся ему кусочки и тут же получил их на бумажной тарелочке. Аркадий последовал за ним, и они с огромным удовольствием съели по два куска, а затем купили еще по два в дополнение. То ли голод был силен, то ли пицца

была действительно прекрасно приготовлена, но им показалось что ничего подобного они до этого момента ещё не пробовали.

Глава III

Яркий солнечный луч пробился сквозь щель в деревянной ставне и уткнулся Максиму в глаз. Максим повернулся на бок, но приятный сон, который он попытался досмотреть, уже успел провалиться куда-то в бездну просыпающегося сознания. Он даже не смог вспомнить, о чём был сон, осталось только приятное ощущение на душе. Максим дотянулся до своих наручных часов, лежащих на тумбочке, они показывали 6:30 утра. Несмотря на ранний час, в комнате было уже довольно жарко, даже плотные ставни не могли защитить от палящих с самого утра лучей южного солнца. Максим почувствовал, что вспотел. Спать больше не хотелось, он встал и направился в душ.

Душевая комната находилась в коридоре. Войдя в неё, Максим сначала подумал, что не туда попал. Там не было ни кабинки, ни ванной, кафельный пол воронкой уходил в отверстие посередине, куда стекала вода из подогреваемого газовой колонкой душа. Максим открыл горячую воду и сунул руку под струю чтобы определить её температуру. Вода была совершенно холодная, он подождал немного, давая воде разогреться, но и во второй раз особой разницы не почувствовал. На третий раз он совершенно убедился, что вода если и подогревается, а в колонке явно горел огонь, то до температуры, ненамного превышающей точку замерзания. Кое-как обмывшись, Максим растерся до красна вафельным полотенцем и побежал к себе в комнату.

Аркадий уже тоже встал и, стоя у раковины, чистил зубы. В 8 часов они поднялись наверх в столовую, где подавали завтрак. Несколько столиков накрытых клеенкой в красно-белую шашечку составляли всю меблировку столовой. Максим с Аркадием разместились за одним из столиков у мансардного окна. Из открытых в кухню, соседствующую со столовой, дверей вышла молодая девушка с подносом и подошла к ним. Она вежливо поздоровалась, и по ее акценту можно было легко понять, что её родной язык тоже славянский. Она поставила на стол кофейник и две тарелки с небольшими французскими булками на каждой. К булкам полагались маленькие пакетики с маслом и джемом.

– А вы, девушка, откуда? – спросил её Максим.

– Я из Польши.

– И вы давно здесь, в Италии? – продолжал он.

– Три месяца, нас тут много... в этом пансионе все официантки и уборщицы из Польши.

– Вот как? – удивился Максим.

– Да, здесь, в Риме очень много поляков, даже некоторые в парках живут, в палатках.

Итальянцы нас не любят, считают, что мы отнимаем у них работу. Хотя, на ту работу, которую мы делаем, они сами не хотят идти.

– У вас прекрасный русский, где вы его выучили? – поразился Максим.

– В школе учила, а потом в институте. Ещё я по обмену ездила на учебу в Москву на несколько месяцев.

– Меня зовут Мария, а вас как?

– Максим, а его – Аркадий.

– Приятно познакомиться!

– Ну, я пойду, а то наш хозяин меня ещё выгонит за то, что я много болтаю.

– Симпатичная девушка! – заметил Аркадий, когда она отошла.

– Да, ей, вероятно, нелегко приходится! – заметил Максим, – им, похоже, никаких пособий не дают. Иммиграция в чистом виде!

День выдался жаркий, мостовая раскалилась как сковородка, и воздух был настолько тяжел и густ, что, казалось, его можно было мять руками. Максим с Аркадием долго бродили по распаренным полуденным зноем улицам Рима. Посидели на ступеньках Испанской лест-

ницы, погуляли вдоль Пьяцца Навона и немного охладилась возле Фонтана де Треви, но Максим в какой-то момент почувствовал, что у него начинает болеть голова. Рубашка на нем вся промокла, джинсы прилипли к коленям, и всё, о чем он сейчас мог мечтать, это был холодный душ в пансионе. Вернувшись, Максим просто понесся в душевую и, сбросив одежду, с наслаждением встал под холодную струю воды.

Он подставил голову под воду и сразу почувствовал облегчение, головная боль стала заметно притупляться. Максим закрыл глаза, концентрируясь на уходящей головной боли, наслаждаясь прохладой. Вдруг, ему показалось, что дверь в душевую скрипнула, но он не придал этому значения, поскольку был уверен, что запер её. Но, через минуту он рванулся, почувствовав чьё-то прикосновение. Максим резко обернулся и увидел перед собой совершенно обнаженную Марию. Она прижала палец к губам и обвила руки вокруг его шеи. Максим почувствовал на себе её упругие девичьи груди и немедленный прилив крови к нижней части своего тела. Затем всё произошло с невероятной быстротой. Максим даже не был вполне уверен, что это был не сон. Молниеносная вспышка страсти обуяла им и в полусознательном состоянии он полностью отдался этому порыву.

Когда Максим вернулся в свою комнату, он все ещё не был уверен в реальности произошедшего. Аркадий, вероятно, заметил какие-то странности в поведении Максима и спросил:

– Ты чего такой загадочно молчаливый?

– Да так... на солнце, просто, перегрелся...

Максиму не хотелось ничего рассказывать, это бы испортило то приятное ощущение, как после дивного сна, которое он испытывал.

– Пойдем лучше пообедаем, – предложил он.

Обед им тоже полагался в пансионе. Они уселись за тот же столик, что и утром. Максим немного занервничал, боясь увидеть сейчас Марию, но она не появлялась. К ним подошла другая девушка, вероятно, Мария работала только в утреннюю смену. Обед состоял из салатика из листьев и редких долек помидоров и огурцов, жидковатого овощного супа и спагетти с томатным соусом, скупо посыпанных сверху пармиджано. На третье, как извинение за скромный обед, подали бискотти с капучино.

Следующий день выдался таким же жарким, как и предыдущий, но запланированная на сегодня поездка в Ладисполи с целью снятия в наём жилплощади, где предстояло ожидать американскую визу, сулила возможность искупаться в море. Около десяти часов утра автобус с русскими иммигрантами прибыл к главному фонтану небольшого приморского городка в тридцати пяти километрах от Рима. Их уже поджидали ранее прибывшие сюда иммигранты, получившие уже въездные американские визы. Они ожидали вновь прибывших, чтобы передать им свои квартиры и углы, дабы вернуть неиспользованную рентную плату.

К Максиму сразу подошел мужчина средних лет с велосипедом и без рубашки, на нём были одеты только цветастые, похожие на трусы, шорты и пластиковые шлепанцы. Он говорил с сильным киевским «х». Мужчина представился Виталием и предложил показать квартиру, в которой жил вдвоём с женой. Они уезжали на следующей неделе в Чикаго. Квартирка оказалась вполне подходящей; отдельная кухня и комната с двумя кроватями. Она располагалась на втором этаже небольшого, двухэтажного дома, и, поднявшись выше по лестнице, можно было выйти на крышу, откуда открывался неплохой вид. На натянутых между телевизионными антеннами веревках сушилось, в итальянском стиле, бельё. Рентная плата вполне устраивала Максима с Аркадием и они, недолго думая, согласились снять эту квартиру.

Надо было только встретиться с хозяйкой в Риме и заплатить ей депозит. Максим записал её телефон. Правда, он плохо представлял себе, как будет с ней разговаривать, Виталий предупредил, что сеньора Рипези ни по-английски, ни, тем более, по-русски не понимает. Максим вытащил из кармана портативный итальянский словарь и попытался составить фразу, чтобы договориться с хозяйкой о встрече. Виталий, проживший в Италии уже почти три месяца и,

успевший нахвататься итальянских слов, даже смог ему помочь. Максим пошел в телефонную будку на углу улицы и, глубоко вздохнув, набрал номер телефона. На третьем звонке в трубке прозвучало: «Pronto!»

Максим автоматически повторил: – Pronto!

– Senora Ripezi?

– Si, si...

– Vorrei affittare un appartamento e si incontrano⁵, – прочитал свою шпаргалку Максим.

Синьора Рипези быстро заговорила по-итальянски, из чего Максим не мог понять ни слова. Он, как попка, просто повторил ту же фразу. Хозяйка опять затараторила на своём красивом языке, напоминая шум прибора. С грехом пополам, он всё же разобрал, что она хочет встретиться с ним DOMANI⁶ на пьядца Навона, возле FONTANA. Максим обрадовался выполненной задачей и, сказав ARRIVIDERCI⁷, повесил трубку.

– А как же я её узнаю? – вдруг спохватился он.

– А я тебе её опишу, – успокоил его Виталий, – у неё тёмные волосы, она среднего роста, средних лет и носит очки.

– Ну, и ну! Да таких женщин пол-Рима! – заметил Аркадий.

– Слушай, возьми какую-нибудь русскую газету или журнал, и она сама тебя узнает. Здесь в киосках полно всяких газет и журналов продают, в том числе, и русских, – предложил Виталий.

– Хорошая идея! – одобрил Аркадий, – вместе завтра поедем и оба будем держать перед собой и «Правду», и «Известия».

До отхода автобуса ещё оставалось достаточно много времени, и Максим с Аркадием пошли на пляж.

⁵ Я хочу, чтобы арендовать квартиру и познакомиться. (Итал.)

⁶ Завтра. (Итал.)

⁷ До свиданья. (Итал.)

Глава IV

За завтраком их опять обслуживала Мария. Она, как ни в чём не бывало, болтала с Максимом и Аркадием, и только когда они уже заканчивали есть, она подмигнула Максиму и взглядом указала ему подойти к кухне. Максим отстал от Аркадия, уже выходящего на лестницу, и зашёл в кухню. Там никого в этот момент не было. Мария сразу же прильнула к нему, и они застыли в долгом поцелуе.

– Я освобожусь в час тридцать и пойду приму душ, – прошептала Мария.

– Я тоже, – ответил он.

Тут в кухню зашла другая девушка официантка, и Максим поспешно вышел.

На лестнице он достал помятую в кармане пачку Marlboro и, открыв её, увидел, что она пуста. Он быстро спустился по лестнице и заскочил в табачную лавку на углу, где купил новую пачку сигарет.

– Ты куда пропал? – спросил Максима Аркадий, когда тот вернулся в комнату.

– За сигаретами бегал, у меня кончились.

– А... а... аа... – понимающе замотал головой Аркадий, – Спросил бы у меня, я бы тебя угостил.

– Да ладно, все равно надо было новую пачку покупать, бежать то тут недалеко!

– Пойдем, прогуляемся, а там уже и с хозяйкой нашей надо будет встретиться, – предложил Максим.

Они вышли на улицу и пошли сначала к вокзалу. На углу, напротив вокзала Термини, на тротуаре сидело несколько человек похожих на бездомных. Когда Максим с Аркадием поравнялись с ними, один повернулся в их сторону и спросил Максима по-русски:

– Ты, когда приехал?

– Два дня назад, – ответил обомлевший Максим.

– Ну, с приездом! А ты откуда?

– Из Питера.

– Чтонибудь привезли на продажу? – спросил незнакомец.

– Да нет, ничего не привезли, – ответил Максим.

– Ни фоторужья, ни фотоаппарата не прихватили?

– Нет у нас ничего, – развел руками Аркадий.

Незнакомец разочарованно покачал головой.

– Удачи вам, ребята! – сказал он и повернулся к своим друзьям.

В киоске на вокзале они купили журнал «Огонёк» и газету «Правда» и пошли на встречу со своей будущей хозяйкой. На пьяцца Навона было многолюдно. Выбрав заметное местечко возле фонтана, они встали как два солдата на посту, прижимая к груди советскую прессу. Максим ощущал на себе взгляды недоумевающих прохожих и ему хотелось провалиться сквозь землю.

– Они ещё подумают, что мы тут какую то демонстрацию устраиваем в поддержку СССР, – шепнул он Аркадию.

– Ну и пусть подумают, мы в свободной стране! Главное нам сеньору нашу не прозевать, а то жить будет негде и будем мы тогда, как вон те возле вокзала, на панели отдыхать, – ответил Аркадий.

Максим счёл его ответ вполне резонным и немного успокоился. К счастью, ждать долго не пришлось, очень скоро к ним подошла женщина среднего роста, средних лет, с тёмными волосами и в очках.

– Senoga Ripezi? – обрадовался Максим.

Она утвердительно замотала головой: – sì, sì...

Максим с Аркадием представились и Аркадий достал из кармана конверт с приготовленными заранее лирами.

– Molte grazie!⁸ – сказала она и что-то затараторила по-итальянски.

Максим силился понять, о чём она говорит, но мог только догадываться по её жестам, что она даёт им какие-то указания по уходу за квартирой. Она несколько раз взмахнула руками, держащими невидимую метлу, показывая, что надо убирать помещение. Затем, ударились в долгие объяснения, о чём-то, что называлось STUFA и, (как Максим смог сообразить), что штуковиной этой нельзя пользоваться ночью. Максим порылся в своем словарики и выяснил – STUFA означает плита.

– Что она, нас за идиотов принимает? Чего это мы будем плитой пользоваться ночью? – сказал Максим.

– А почему бы и нет, вдруг нам приспичит ночью борщ сварить? – откликнулся Аркадий.

– Какая-то глупость! Ладно, спросим у Виталика, – сказал Максим.

В пансион вернулись в начале второго. Аркадий завалился на кровать и закурил.

– Пойду-ка я приму душ. Ну и жара сегодня опять! – сказал Максим и, захватив полотенце, вышел в коридор.

Дверь в душевую оказалась заперта, и Максим тихонько постучал по двери костяшками пальцев. Ответа не последовало. Он немного постоял в раздумье и решил постучать ещё раз. Дверь неожиданно приоткрылась и в образовавшейся щели показалась лоснящаяся красная физиономия и барабанного вида живот, замотанный белым вафельным полотенцем.

– Чего надо? – недовольно спросил толстый мужик на родном, отдающем хамоватыми оттенками русском языке.

– Простите! – опешил Максим, – я думал, тут никого нет.

– Ты чо, слепой? – рявкнул мужик и захлопнул дверь.

Максим, было, побрел обратно к себе в комнату, но тут в коридоре появилась с полотенцем в руках Мария.

– Там какой-то жлоб моется, – махнул рукой в сторону душевой Максим.

– Ну, мы подождем пока он помоеся, – ответила Мария.

Они встали к стене и Максим, притянув её к себе, поцеловал в губы.

Он почувствовал мягкую упругость её языка и тут же опять ощутил мощный прилив энергии в нижней части своего тела. Всё, о чем он теперь мог думать – это поскорее попасть вместе с Марией в душ. Они простояли так в затяжном поцелуе ещё несколько минут. Наконец дверь из душевой отворилась, и, чмокая шлепанцами, толстяк, с мочалкой в руках, вышел в коридор. Максим порадовался в душе, что держал полотенце, которым можно было прикрыть свое очевидное возбуждение. Не успел мужик скрыться за углом, как Максим с Марией шмыгнули в душевую и заперли за собой дверь. Максим сбросил свои джинсы и трусы на пол, а Мария тем временем стянула с себя шорты и кофточку, под которой не оказалось лифчика. Максим восхитился её округлыми, торчком выпирающими грудями и стройным, женственным телом. В первый раз он даже не успел её как следует рассмотреть, так всё быстро и неожиданно произошло.

Мария опустила перед ним на колени и Максиму уже было трудно себя контролировать. Он подхватил её под локти и, приподняв, повернул спиной к себе, обхватив её грудь руками. Утолив свою страсть, они стали плескаться как дети под прохладным душем. Максим набрал воды в рот и, раздув щеки, прыснул её на Марию. Та зажмурилась, отворачиваясь от брызг, и тут же сама набрала воды в рот и с силой выдула все на Максима. Он слегка шлепнул её по тугому бедру и тут же прижал к себе и поцеловал.

⁸ Большое спасибо! (Итал.)

Глава V

К концу недели следовало перебраться в Ладисполи. До отъезда Максим ещё раз встретился с Марией, она обещала приехать к нему, а он собирался навестить как нибудь к ней в гостиницу.

В пятницу поехали в Ладисполи, чтобы забрать ключи от квартиры. Виталий был дома, ожидая приезда новых жильцов. Он показал Максиму и Аркадию всё несложное оборудование квартиры, и они спросили его про ступу.

– А... а... а... – понимающе закивал головой Виталий, – это портативная газовая печка для обогрева. Она старая и воняет здорово газом, вот хозяйка и боится, что вы с этой печкой угорите. А здесь ночью бывает довольно холодно; полы то каменные – на дворе уже сентябрь, и температура вечерами сильно опускается. Мы включали эту ступу перед отходом ко сну, а потом, может, еще разок ночью, ненадолго, чтобы прогреть помещение. Но, не советуя, конечно, спать, когда она работает.

На следующий день Виталий с женой улетели в Америку, а Максим с Аркадием приехали уже с вещами в Ладисполи. Они быстро освоились на новом месте, даже научились мыться за две минуты. В ванной, цивильно оснащенной унитазом и беде, висела малюсенькая, литра на два, электрическая колонка с подсоединенным к ней ручным душем. Нагретой в колонке воды хватало только на пару минут, а потом надо было ждать пока вода снова нагреется. Вместе с квартирой они получили во временное пользование ещё и потрёпанный, но вполне на ходу, велосипед.

В небольшом, но, всё же, достаточно разбросанном Ладисполи, на велосипеде можно было легко добраться и в магазин, и на почту, и к фонтану, где вечно собирались русские иммигранты, и где можно было послушать совершенно невообразимые байки. Там же, на деревьях пестрели от руки написанные объявления с нарезками для отрывания адреса и номера телефона. кто-то предлагал домашние пельмени, кто-то давал уроки английского, фотограф предлагал свои услуги по вечерам, после пяти часов, когда освещение особо привлекательно для съёмки. Иногда у фонтана появлялись полицейские и молча срывали все эти, написанные на непонятной кириллице, бумажки. Но, на следующий день объявления появлялись снова и еще в большем количестве.

Осень постепенно вытесняла лето. Днём все еще бывало тепло, в полдень, порой, даже жарковато, а ночью температура опускалась так низко, что Максим с Аркадием, боясь околеть от холода, были вынуждены включать чёртову ступу. Она действительно воняла неимоверно, и её просто невозможно было оставлять включенной надолго. Аркадий достал из чемодана русскую ушанку, и в особо холодные ночи спал в ней. Пару раз они съездили в Рим, один раз в Ватикан и в другой раз на рынок, куда ездили все иммигранты, чтобы купить по дешевке кое какую одежду. Максим заскочил и к Марии в пансион, но её там не застал и оставил ей записку со своим адресом.

В следующий выходной она просто появилась на пороге их ладиспольской квартиры. Максим был приятно удивлен, а ничего не подозревающий Аркадий, немного смутился. Он никак не ожидал увидеть Марию в Ладисполи. Однако, Аркадий быстро обо всем догадался и, сощурившись, хитро подмигивал Максиму, показывая свое одобрение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.